

СБОРНИК О НОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ ДЛЯ НОВОЙ ЭПОХИ

Вадим Цымбурский

Вадим Цымбурский — философ, филолог. Старший научный сотрудник Института философии РАН. Автор книги «Остров Россия: геополитические и хронополитические работы 1993–2006 гг.».

Столетие «Вех» — столетие большого этапа нашей цивилизационной истории, столетие нашей городской революции.

Давайте взглянем в исходный тезис этого сборника. Его исходный тезис — это **неудача революции, революции 1905–1907 годов**. Думаю, что этот вывод был отнюдь не очевиден. В своих воспоминаниях меньшевик Н. Валентинов писал, что если бы революционерам в 1904 году показать Россию 1908-го, то они вынуждены были признать, что новая Россия представляет предел их тогдашних мечтаний. Это была фактически конституционная Россия. Объективные ученые, знавшие Макса Вебера, вероятно, имели представление о его оценке России как страны, движущейся навстречу буржуазной демократии, пусть и в извращенной бюрократической форме. С узкополитической точки зрения революцию нельзя было считать полностью неудачной.

О чем же шла речь в «Вехах»? О том, что революция не оправдала

Эта статья — последний текст Вадима Леонидовича Цымбурского, выдающегося отечественного мыслителя, скончавшегося на 53-м году жизни 23 марта 2009 года.

себя по максимуму. Наша первая революция была действительно грандиозным событием с точки зрения реформационной заявки, с точки зрения становления новой России, России городов.

В течение полувека происходил огромный накат контрэлиты на Россию. И когда ее поход на Россию принес первые заметные успехи, веховцы произвели удивительный поворот. Следует учесть, что веховцы в большинстве своем были кантианцы, и эти кантианцы, увидев, что на их глазах произошла революция, которая уже так много принесла, в желании, чтобы она принесла еще больше, развернули свои орудия против самой партии альтернативных ценностей. Они стали критиковать те ценности, под знаком которых состоялась сама революция.

Веховцам очень помогло то, что они читали Вебера, его работу о протестантизме и духе капитализма. Они знали, что религиозный дух западной Реформации дал удивительно щедрые плоды, что именно он обеспечил продуктивность западной цивилизации. Поэтому **они указывали на чрезвычайную заполитизированность, политическую замкнутость революции как на источник ее слабости**. Революция жестко привязана к политически ограниченному человеку, который поэтому не способен стать полноценным субъектом цивилизационного развития. Представьте себе, что реформационная Европа XVI–XVII веков стала бы строиться на идеях «мюнстерской коммуны», лейденских братьев.

Я хотел бы обратить внимание на любопытный интертекст, который существует между «Вехами» и ярчайшим текстом о тоталитаризме, который вышел в сталинские годы. Речь идет о «Драконе» Евгения Шварца. Гершензон в «Вехах» пишет о том, как интеллигенция звала всех «выйти на площадь», и теперь **«сознания высыпали на площадь, хро-**

мые, слепые, безрукие: ни одно не осталось дома. Полвека толкуются они на площади, голоса и перебраниваясь». И после этого эти беспомощные сознания оказываются привязанными к колеснице власти, они становятся объектом ее манипуляции. Проходит тридцать пять лет, и появившийся на сцене Дракон в зеленом кителе говорит Ланселоту, что если бы тот увидел души тех, за кого сражается, то не стал бы **«умирать из-за калек»**, за **«безрукие души, безногие души, глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души <...> дырявые души, продажные души, прожженные души, мертвые души»**. Души, разрушенные и разрубленные самим Драконом, самой тоталитарной властью. Очень жалко, что до сих пор сцена искушения Ланселота никогда не читалась в веховском контексте.

Итак, авторы «Вех» подняли вопрос о человеке, который мог быть адекватен крупнейшим цивилизационным переменам. И здесь они оказались удивительно прозорливы. Но они проиграли в другом. **«Веховцы» не смогли поставить вопрос о том, во имя чего будет существовать эта новая реформационная Россия, Россия городов**. И потому они оказались сами уязвимы перед лицом социалистической ревизии проекта этой России. Авторы сборника не смогли фактически ничем его заместить — это смогли сделать только те самые гершензоновские ущемленные, «хромые, слепые, безрукие» сознания, которые объявлялись «Вехами» не приспособленными для дела строительства городской цивилизации.

Главное, что нам завещали «Вехи», — это ответ на тот вопрос, которые они в рамках своей кантианской программы наметили, но не смогли выполнить. **Вопрос о ценности России в рамках программы реформации** — о том, каков смысл России городского общества. ■